

Он взглянул на время — в Китае уже был примерно полдень.

Едва он положил телефон и собрался встать, как тот снова зазвонил. Он ответил, и с той стороны послышался осторожный голос:

— Господин Лу.

Голос Лу Сяньчжоу звучал несколько хрипло:

— Что случилось?

Цяо Цзинь посмотрел на полнейший беспорядок в стиральной машине, запинаясь и не зная, с чего начать. Лу Сяньчжоу слегка нахмурился, теряя терпение:

— Говори прямо, что стряслось?

— Я... я испортил вашу одежду. — Цяо Цзинь чувствовал себя ужасно виноватым, пальцы, сжимавшие телефон, подрагивали. Он робко предложил: — Я возмещу вам ущерб, хорошо?

Лу Сяньчжоу не понял:

— О чем ты?

Цяо Цзинь, путаясь в словах, рассказал, что закинул его костюм в стиральную машину вместе с простынями. Теперь пиджак превратился в мятый бесформенный комок, и носить его, скорее всего, было уже невозможно. Он никогда не носил костюмов и не знал, что вещи Лу Сяньчжоу — это дорогостоящие изделия ручной работы, которые нельзя просто так стирать в машинке.

— Я всё оплачу, только... я не знаю, сколько он стоит.

Лу Сяньчжоу ответил:

— Цяо Цзинь, мы женаты.

Цяо Цзинь опешил:

— А?

Лу Сяньчжоу потер переносицу и, прочистив уставшим голосом горло, сказал:

— Костюм, конечно, стоит дорого, но твоя забота куда важнее. Ты хотел как лучше, постирав мои вещи — значит, ты послушный. Испортил — ну и ладно. Мы супруги, не нужно так всё высчитывать.

Цяо Цзинь всё еще не понимал:

— Вы... вы на меня не сердитесь?

— М-м, не вини себя так сильно. Впредь все такие домашние дела доверяй тете Ли, а ты просто занимайся танцами.

Цяо Цзинь впервые совершил ошибку и не был отруган, он замер, не зная, что ответить.

— Не терзайся, на этом закончим, я собираюсь вставать.

Цяо Цзинь хотел было сказать что-то еще, но Лу Сяньчжоу уже повесил трубку. Слова «когда ты вернешься» застряли в горле, но он упрямо прошептал их в пустоту:

— Я скучаю по тебе.

Обычно период течки длится около пяти дней, но поскольку Цяо Цзинь плохо умел контролировать свои феромоны, ему требовалось больше времени. Он собирался пойти на учебу, но Лу Сяньчжоу, опасаясь за него, попросил Нин Лань оформить ему неделю отпуска.

На пятый день Лу Сяньчжоу вернулся в страну. Нин Лань позвонила сообщить новость, и Цяо Цзинь воспользовался случаем, чтобы спросить, что любит Лу Сяньчжоу. Нин Лань хитро улыбнулась:

— Он любит тебя.

Цяо Цзинь испугался:

— Не... не может быть.

Нин Лань усмехнулась:

— Шучу. Кстати, твои блокаторы закончились?

— Да, вчера последние использовал.

Нин Лань подняла взгляд на кабинет, где находился Лу Сяньчжоу, и понизила голос:

— А ты знаешь, что именно ты всё это время принимал?

Цяо Цзинь и сам хотел спросить. Раньше он мельком слышал, что у него аллергия на блокаторы, но Лу Сяньчжоу заверил его, что это лишь на одну конкретную марку, а та, что он

подготовил для него, — безопасна. Но Цяо Цзинь искал информацию: если принять блокатор, реакция точки должна прекратиться, так почему же его средство не имело сильного подавляющего эффекта и приходилось использовать его ежедневно?

— На самом деле, это была вытяжка феромонов Лу Сяньчжоу, — сказала Нин Лань.

— А?

Нин Лань знала: Лу Сяньчжоу никогда не расскажет Цяо Цзиню, чем он жертвует. Он был из тех, кто делает, но не говорит. А она не могла просто смотреть, как её босс работает на износ без какой-либо отдачи.

— У тебя аллергия на аптечные блокаторы, любые из них для тебя опасны. В прошлый раз ты попал в больницу именно из-за этого. Но ты так боялся господина Лу, что не позволял ему даже прикоснуться к себе.

Нин Лань сделала паузу, давая Цяо Цзиню время осознать услышанное. А затем нанесла решающий удар:

— Он не мог допустить, чтобы ты каждый раз проходил через это мучение, да и видеть, как тебе больно, он не мог. Пришлось солгать, что это блокаторы. Именно поэтому он поручал мне лично доставлять их тебе. В день твоего выступления я была на важном совещании, поэтому он сам...

Цяо Цзинь был ошеломлен, он не мог переварить столько информации сразу.

Нин Лань продолжила:

— Вытяжку феромонов добывают напрямую. В лучшем случае это вызывает головокружение, в худшем — тошноту, рвоту и обмороки. Если не веришь, спроси доктора Шэня, он уже определял это для профессора Фу.

Нин Лань любила сгущать краски, хотя на деле от такой процедуры у Лу Сяньчжоу лишь слегка кружилась голова. Но какая разница? Почти то же самое.

Цяо Цзинь был потрясен. Лу Сяньчжоу столько всего делал для него молча, а чтобы он не чувствовал вины, даже скрывал правду.

Нин Лань вздохнула:

— Раз ты не позволяешь ему прикасаться к себе, он не может всю жизнь тянуть из себя феромоны. У тебя есть совесть?

Цяо Цзинь ответил почти мгновенно:

— Нет!

Нин Лань намеренно исказила его слова:

— Ты не позволишь ему прикоснуться к себе?

Цяо Цзинь долго заикался, не в силах выговорить такое, наконец выдавил:

— Я... я не это имел в виду. Я больше не дам ему извлекать феромоны.

Нин Лань улыбнулась, но только открыла рот, как сверху раздался глубокий, холодный голос:

— Нин Лань.

— Черт. — Нин Лань рефлекторно сбросила звонок и с тревогой посмотрела на невозмутимого Лу Сяньчжоу. — Босс, вы когда пришли?

— Только что. — Лу Сяньчжоу бросил взгляд на её виноватое лицо. — В рабочее время обсуждайте чужую личную жизнь в комнате отдыха, а не в кабинете.

Нин Лань поспешно согласилась.

— Ах да, контракт от Ихуа пришел, я положил его тебе на стол.

— Я видела. — Лу Сяньчжоу постучал по её столу. — Ты работала последние дни, сегодня можешь не задерживаться, уходи пораньше.

Нин Лань была поражена:

— Босс... вы что, решили меня уволить?

Лу Сяньчжоу с вымученной улыбкой добавил:

— Любишь работать сверхурочно? Хорошо, я как раз хотел...

Нин Лань перебила:

— Нет! Если я буду работать больше, я умру от переутомления, мне надо время, чтобы присмотреть себе гроб.

Лу Сяньчжоу усмехнулся:

— Ладно, меньше болтай, собирайся и уходи.

Нин Лань, пытаясь прощупать почву, осторожно заметила:

— Знаете, босс, говорят, разлука лишь разжигает чувства. Вы так долго были в отъезде, может, сегодня пораньше домой, к жене?

Лу Сяньчжоу замер, затем повернулся:

— Заканчивай дела и иди домой.

Тетя Ли несколько раз звала его ужинать, но Цяо Цзинь не шевелился — он хотел дожидаться Лу Сяньчжоу. С семи тридцати до одиннадцати вечера он прождал, но тот не вернулся.

Голод утих, Цяо Цзинь выпил немного бульона и поднялся в спальню. Он ворочался в постели, охваченный жаром, и, не в силах уснуть, сел на подоконник, глядя вниз. Уличные фонари освещали пустую дорогу, ни одна машина не проезжала мимо.

Цяо Цзинь обхватил колени руками. Внезапно он услышал звук двигателя и встрепенулся. Лу Сяньчжоу вышел из машины, перекинув пальто через руку, другой ладонью он устало потер виски. Внезапно он замер и поднял взгляд вверх.

Цяо Цзинь инстинктивно отпрянул и задернул шторы, стараясь дышать тише. Он его заметил?

Когда он снова выглянул, Лу Сяньчжоу уже не было во дворе, послышался его голос — он разговаривал с тетей Ли.

— Да, я поужинал в компании. Идите отдыхать.

— Не нужно так себя изматывать, компания не развалится, а если подорвешь здоровье — кто о тебе позаботится? Не сочти за грубость, но я видела, как ты растешь, ты мне как родной сын.

Лу Сяньчжоу тихо рассмеялся:

— Я знаю меру. Жаль, что у меня нет такого счастья — иметь такую чудесную маму, как вы. Иногда я даже завидую Жочжао.

Тетя Ли улыбнулась:

— Еще чего, завидует! Если бы этот паршивец был хотя бы вполовину так способным, как ты, я была бы счастлива.

Лу Сяньчжоу еще немного поговорил с ней, прежде чем подняться наверх. Цяо Цзинь

услышал, как он открыл дверь, а через мгновение — как вошел в кабинет.

Цяо Цзинь чувствовал, как дыхание становится тяжелым, а воздух в комнате пропитывается густым ароматом феромонов. Знакомое чувство подсказало: течка вернулась. Блокаторы кончились, Нин Лань не прислала новых, да и Цяо Цзинь не хотел больше просить Лу Сяньчжоу об этой болезненной процедуре.

Он стоял у двери, держась за ручку. Перед глазами всплывали картины: как Лу Сяньчжоу нежно массировал его ушибленную ногу, как обнимал его для свадебных фотографий, как тихо смеялся, поддразнивая его.

Лу Сяньчжоу, кажется, был вовсе не таким страшным. Даже тошнотворное чувство, которое возникало, когда к нему приближались другие Альфы, исчезло. Он просто не знал, как справиться с этим напряжением. Особенно когда Лу Сяньчжоу касался его — это пугало неизвестностью, странной смесью желания быть ближе и беспомощного страха.

В коридоре воцарилась тишина.

Цяо Цзинь, одурманенный жаром, повернул ручку двери, дошел до кабинета и постучал.

— Войди.

Цяо Цзинь глубоко вдохнул, толкнул дверь и замер на пороге. Лу Сяньчжоу сидел за столом, склонившись над документами, и даже не поднял головы. Давящая аура Альфы заставляла Цяо Цзиня отступать.

Он закусил губу, собираясь уйти, но в этот момент Лу Сяньчжоу поднял взгляд:

— Что случилось?

Глаза Цяо Цзиня покраснели. Феромоны волнами проникали в кабинет. Лу Сяньчжоу тяжело вздохнул: этот мальчик, которого он взял в жены, был таким трусливым и таким чувствительным к боли. Лаской его не возьмешь, строгостью — тоже. От нежности он плачет, от жесткости — тоже. Очень сложный характер.

Он ломал многих Альф, но впервые столкнулся с таким мягким Омегой, которого, казалось, коснись — и он рассыплется. Лу Сяньчжоу был в отчаянии.

Цяо Цзинь, глядя, как он вздыхает, сжал пальцами край одежды и после долгого молчания тихо произронил:

— Я... я хочу ваших феромонов.

Лу Сяньчжоу не сразу понял, что Цяо Цзинь догадался о правде, и рефлекторно спросил:

— Дома закончились?

Цяо Цзинь кивнул:

— Вчера.

Лу Сяньчжоу выдохнул, потянулся к телефону:

— Иди в спальню, я пришлю их тебе.

Цяо Цзинь понял, что он имеет в виду, набрался храбрости и громко воскликнул:

— Я не хочу этого!

Лу Сяньчжоу замер, связь уже установилась:

— Доктор Шэнь, я... Цяо Цзинь!

Цяо Цзинь бросился вперед, вырвал телефон и сбросил вызов. Лу Сяньчжоу нахмурился:

— Что ты творишь?

От его холодного взгляда Цяо Цзинь растерял остатки смелости, но тетка лишила его остатков рациональности. Он отступил на шаг, часто дыша.

— Я... хочу ваших феромонов. — Цяо Цзинь покраснел и повторил просьбу.

В нос Лу Сяньчжоу ударил молочный запах его феромонов, он едва устоял на ногах.

— Отдай телефон.

Цяо Цзинь спрятал его за спину. Лу Сяньчжоу устало сказал:

— Не бойся, я не буду метить тебя... Стоп, что ты только что сказал?

Цяо Цзинь, сжимая в потных ладонях телефон, повторил еще раз:

— Я хочу ваших феромонов.

Лу Сяньчжоу наконец осознал смысл слов и нахмурился:

— Кто тебе сказал?

Цяо Цзинь промолчал, закусив губу. Лу Сяньчжоу догадался, что это Нин Лань, и, подавляя гнев, произнес:

— Не слушай Нин Лань, не поддавайся на её слова. Феромоны — это то же самое, что и блокаторы. Слушайся, отдай телефон.

Цяо Цзинь поднял голову и послушно вернул телефон. Лу Сяньчжоу снова потянулся к аппарату, а Цяо Цзинь, полный разочарования, закусил губу. Ему стало нестерпимо больно: Лу Сяньчжоу не хочет его. Он сказал так прямо, а Лу Сяньчжоу всё равно отказывается.

Цяо Цзинь хотел просто перетерпеть всё в одиночестве.

— Не надо... уже поздно... — пробормотал он и, не дожидаясь ответа, развернулся к выходу.

Лу Сяньчжоу схватил его за запястье:

— Что за истерики? Разве можно так терпеть течку? Ты себя погубишь!

Цяо Цзинь обернулся, и слеза упала на тыльную сторону ладони Лу Сяньчжоу. Та обожгла его, он замер:

— Цяо Цзинь?

— Мне не... мне уже не больно, не нужно добывать феромоны. — Цяо Цзинь в панике вытирал слезы. — Правда, не надо... не нужно.

Лу Сяньчжоу нахмурился, мысленно сделав пометку Нин Лань, и постарался говорить мягче:

— Всё в порядке, это не больно. Извлечение феромонов — это своего рода очистка организма.

Какая очистка? Даже глупый Цяо Цзинь понимал, что феромоны в теле имеют свой предел, и их резкая нехватка не может пройти бесследно. Тем более, он не выделяет их естественным путем, а их буквально вытягивают из него.

Цяо Цзинь плакал, опустив голову. Лу Сяньчжоу, не зная, что делать, повесил трубку, взял его на руки и посадил к себе на колени, неумело вытирая слезы:

— Перестань плакать. Если я не буду добывать феромоны, ты не выдержишь течку. Эту малую боль я смогу стерпеть, не плачь.

Цяо Цзинь яростно замотал головой:

— Нет, не... не поэтому.

— Ты не позволяешь мне касаться тебя, а ты еще так молод. Если потом ты захочешь развестись, я не могу просто так пометить тебя. Это единственный способ.

При слове «развод» сердце Цяо Цзиня дрогнуло. Хотя сначала он был вынужден выйти за него, за это время он уже не хотел уходить. Он хотел, чтобы его пометили.

— Я не хочу...

Лу Сяньчжоу:

— Я знаю. Не вини себя, это мой выбор. Я готов отдавать тебе свои феромоны, тебе нужно просто принимать это.

Цяо Цзинь видел, что разговор уходит не туда, и, зажмурившись, потянулся к губам Лу Сяньчжоу. Когда его влажные от слез губы коснулись его, Лу Сяньчжоу остолбенел.

!?

Он застыл, глаза расширились от шока, даже руки перестали двигаться. Цяо Цзинь, видя, что он бездействует, почувствовал невыносимую боль и отстранился, вытирая слезы.

Волна желания накатила с новой силой. Когда Цяо Цзинь соскользнул с колен, он не удержался на ногах и, шатаясь, бросился вон из кабинета.

За ним тянулся шлейф молочного запаха.

Лу Сяньчжоу смотрел ему вслед, медленно сжимая кулаки. Цяо Цзинь не в себе из-за течки, но он не может поддаться её влиянию. Лу Сяньчжоу потянулся к телефону, но увидел, как Цяо Цзинь осел у двери, его плечи мелко дрожали, а молочный аромат стал таким густым, будто всё вокруг пропиталось им насквозь.

Он в пару шагов подлетел к нему и поднял:

— Цяо Цзинь.

Дыхание Цяо Цзиня было тяжелым, веки покраснели, ресницы подрагивали, а руки, вцепившиеся в его плечи, безвольно дрожали. Он инстинктивно прижимался к Альфе.

Лу Сяньчжоу от этого аромата едва не рухнул на колени. Он коснулся задней стороны шеи Цяо Цзиня — железа опухла и пылала, словно раскаленная. Остатки здравого смысла испарялись.

Цяо Цзинь, должно быть, набрался невероятной смелости, чтобы попросить об этом. Сейчас же он был в полном бреде, взгляд расфокусирован, он пересохшими губами облизывал рот, инстинктивно требуя феромонов Альфы.

— Господин Лу...

Лу Сяньчжоу слышал это обращение сотни раз, но сейчас от этого кошачьего скрежета его самообладание окончательно рассыпалось. Цяо Цзинь не отпускал его, на лбу выступили капли пота. Лу Сяньчжоу глубоко вдохнул, понимая, что его воля тает. Он не дожидается, пока пришлют феромоны.

Он спросил:

— Я сделаю временную метку, хорошо? Когда течка пройдет, она исчезнет, это не навредит тебе.

Цяо Цзинь не слушал, он лишь согласно мычал и послушно подставил шею.

Цяо Цзинь сам придерживал железу, и Лу Сяньчжоу едва не упал от этого зрелища. Он обнял его, успокаивая, и припал к железе. Цяо Цзинь еще прижимал пальцы к шее, когда Лу Сяньчжоу с силой укусил, пронзая тонкую кожу.

Запах крови смешался с молочным ароматом, странным образом переплетаясь с его собственными феромонами. Лу Сяньчжоу, держась из последних сил, ввел немного феромонов, но Цяо Цзинь задрожал сильнее.

Он вытянулся, как предсмертная рыба, а затем обмяк. Лу Сяньчжоу нахмурился, коснувшись его — даже от временной метки он уже достиг пика.

Лу Сяньчжоу отнес обмякшего Цяо Цзиня в спальню. Временная метка должна была помочь. Он положил его на кровать и собрался переодеть, но не успел — горячее тело прильнуло к нему, обдавая дыханием с ароматом молока.

— Обними...

Лу Сяньчжоу выпрямился. Нежный, тягучий голос звучал у него над ухом, проверяя его выдержку.

— Господин Лу, умоляю. — Голос Цяо Цзиня и сам по себе был мягким, а сейчас, в полубреду, он звучал как нескрывааемый соблазн.

Лу Сяньчжоу сглотнул.

— Господин... — Цяо Цзинь потянулся вперед, неуклюже пытаясь повторить то, что делал Лу Сяньчжоу, он искал его железу, тыкаясь носом, как маленький зверек.

Лу Сяньчжоу сбивчиво задышал, с ужасом понимая, что его вынуждают войти в состояние гона. Феромоны подавили разум. Лу Сяньчжоу развернулся и прижал его к кровати, выпуская свои феромоны волна за волной. Цяо Цзинь глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Лу Сяньчжоу впился в его железу, заставляя его дрожать, а он продолжал вязко шептать: «Господин».

— Пометь...

В голове Лу Сяньчжоу пронеслась молния: что он имеет в виду под меткой? Временную метку или... полную?

<http://bllate.org/book/21169/2144709>